

Сяо Шанли никогда прежде не видел его тело при свете, но сейчас оно казалось удивительно реальным. Его сердце трепетало, он невольно прижался лицом к груди Лэ Юя, высунул кончик алого влажного языка и слегка лизнул его кадык.

Ночь прошла в безумной страсти. В одной из изящных и чистых спален Гильдии морской торговли, когда ещё не рассвело, Лэ Юй резко проснулся. Сознание было мутным, в груди — острая боль, и незримый пронзительный голос кричал:

— Отец... отец...

Прелести и страсти сна стояли перед глазами ярко и живо. Сяо Шанли обладал истинной кожей — ледяной, яшмовой, гладкой и нежной. Он даже помнил то мурашистое ощущение, когда кожа Сяо Шанли входила в его тело. Скинув шёлковое одеяло, он обнаружил, что всё тело, от груди до заднего прохода, в порядке, лишь во сне случилось семяизвержение.

Лэ Юй потер лоб, пытаясь унять головную боль, спальное платье промокло от пота. Он дёрнул за шнур, позвонил в колокольчик и велел слугам принести горячей воды. После омовения три юные служанки, присланные из дома Вань, лет по десять с «двойными шишечками» на голове, помогли ему подать одежду и переодеться. Когда совсем рассвело, за окном во дворе защебетали птицы. В тот день небо было затянуто тяжёлыми тучами. После полудня Лэ Юй, стоя на коленях на галерее, полировал меч, как вдруг к нему подбежал слуга в серой одежде:

— Владыка острова, председатель Вань велел мне передать вам письмо!

В Уцзяне из-за наводнения прорвало дамбу, все местные лавки Гильдии морской торговли затопило. Вскоре лично прибыл Вань Хайфэн, а с ним шесть-семь ящиков, запертых и заколоченных, с бухгалтерскими книгами, не подлежащими разглашению.

— Этот старик не смог предотвратить беду, — сказал он. — Прошу вас просмотреть счета, а затем принять решение.

Лэ Юй даже не взглянул, велел слугам унести деревянные ящики:

— Это стихийное бедствие, а не недосмотр. Я, назначая людей, им доверяю. Я верю вам, старик Вань.

Вань Хайфэн тяжело вздохнул и торжественно сказал:

— Благодарю вас, владыка острова. Этот подчинённый сейчас же прикажет им всё исправить.

На следующий день, на живописной лодке «Прекрасные виды». Летний дождь только что прекратился, Не Фэйлуань сидела под лодочным карнизом и, глядя на зелёные волны озера, перебирала струны цитры. Она играла не новую мелодию, что-то отдалённое, протяжное. Лэ Юй, потягивая вино, слушал её какое-то время, затем, в такт музыке, постучал по перилам:

— «Облака застыли густые, дождь моросит мелкий. Восемь сторон в сумраке, равнина стала рекой. Есть вино, есть вино, пью без дела у восточного окна. Хочу говорить о том, кого помню,

но нет ни лодки, ни повозки». Ты вспоминаешь кого-то.

Она закончила эту часть и остановила руки, улыбнувшись:

— Вас действительно не обманешь.

Лэ Юй, прислонившись к перилам, спросил:

— В Уцзяне прорвало дамбу, Гу Сань возвращается?

Не Фэйлуань слегка замешкалась:

— Третий молодой господин Гу уезжает через два дня.

Она была из Павильона Весеннего Дождя и всегда называла Гу Сань «хозяином». Лэ Юй переспросил:

— Третий молодой господин Гу?

Она, казалось, всё ещё колебалась, наконец слегка улыбнулась:

— Учитель советовал мне вовремя уйти, и теперь я, можно сказать, этого достигла. Пешка, у которой появилось сердце, не может оставаться спокойной пешкой. Третий молодой господин Гу увидел меня насквозь.

Лэ Юй протянул руку, взял её за руку, притянул к себе и шутливо сказал:

— Я и вправду ревную. Какой же молодец покорил сердце госпожи Не? С древних времён красавицы часто спят с неудачниками. Не бойся, если не скажешь — не спрошу.

Запястье в его ладони задрожало. Не Фэйлуань замерла, затем с усилием улыбнулась:

— Она прекрасна.

Строка слёз уже застыла на ресницах. На лице Лэ Юя вспыхнул гнев:

— Она посмела опечалить тебя!

Не Фэйлуань схватила его, торопливо сказав:

— Учитель, всё не так! Если вы пойдёте к ней, я тут же разобью здесь голову!

Лэ Юй вдруг рассмеялся. Только тогда она поняла, её щёки залились румянцем, но, вспомнив о пропасти между ними, она снова побледнела. Лэ Юй погладил её по спине:

— Нам с тобой не суждено быть мужем и женой. Фэйлуань, будь мне сестрой.

Только тогда её слёзы хлынули. Про себя она подумала: в этом мире есть любовь, которой не достичь, но есть и любовь, которую получаешь, не прося. В конце концов, небо не было к ней слишком сурово. Она поправила одежду, поклонилась и произнесла:

— Названный брат...

Печаль и радость смешались, слёзы хлынули как из источника. Она больше не могла сдерживаться, бросилась в его объятия и выплакала все невысказанные горести своей жизни.

Лэ Юй обнял её и усадил. Он знал, что за дверью кто-то есть, тот колебался, не решаясь войти, затем медленно, шаг за шагом, стал удаляться. Дойдя до озера, он вдруг топнул ногой, развернулся, пошёл всё быстрее, прямо вошёл внутрь и сказал:

— Старший брат! Сестра Не...

Это была Тянь Мими. Не Фэйлуань от неожиданности чуть не подпрыгнула, поспешно отвернулась, чтобы стереть следы слёз на лице, и мягко сказала:

— Я не буду мешать...

У Тянь Мими тоже слегка покраснели глаза, кончик носа был красным. Она схватила её за руку:

— Сестра Не, не уходи. Мне нужно кое-что сказать старшему брату.

С детства она знала, что должна стать тем, кто управляет страной, что брачные договоры и клятвы союзов служат лишь политическим целям, и ни в коем случае нельзя позволять себе влюбляться, иначе лёгкий случай — навлечёшь беду на себя, тяжёлый — распространишь на всю область Циньчжоу. Но слово «чувства» — разве хоть на половину оно подвластно человеку? На её лице было не понять — радость или печаль, словно во сне, словно в иллюзии, она сказала:

— Старший брат, я говорила тебе, что у меня есть тот, кто мне нравится. Этот человек... сейчас перед тобой.

Рука в её ладони снова дрогнула, но уже не вырывалась. Горячие слёзы капали на неё. И вправду — держались за руки, глаза в слёзах, на мгновение онемели. Тянь Мими тихо сказала:

— Муж и жена — самые близкие и самые далёкие. Мне предстоит стать самыми близкими и самыми далёкими с другим, я не смею причинять тебе беспокойство. Но ты, сестра, питаешь ко мне такие глубокие чувства, что я больше ничего не боюсь.

Она мягко улыбнулась:

— Ты только что играла на цитре, а я была здесь. Последние две части «Застывших облаков» ты не доиграла: «Люди говорят: солнце и луна в движении. Как бы нам сесть рядом, побеседовать о жизни?» Я лишь хочу сесть с тобой рядом и побеседовать о жизни. «Разве нет других? Но

думаю о тебе я много»... Сестра думает обо мне много, как же я могу позволить тебе сожалеть?..

Лэ Юй вышел за дверь, вдалеке наблюдая, как озеро поблёскивает. За его спиной занавеска была наполовину поднята, две девушки поплакали, затем зашептались и засмеялись. Тянь Мими, увидев, что её глаза покраснели и опухли, а прелестные губы и яшмовый нос стали невиданно жалкими и милыми, сейчас же глаза её заблестели. Она достала из-за пазухи шёлковый платок, вытерла её персиковые щёки и сказала:

— Добрая сестра, не стоило меня доводить до слёз. Тот платок, что ты оставила мне в тот день, когда рисковала за меня, я всегда ношу с собой. Сегодня я вытру им твои слёзы в знак извинения.

Она снова улыбнулась:

— Когда я впервые увидела сестру, я заметила у тебя такие красивые остроконечные туфельки на розовой подошве, только узор на них не разглядела. Сегодня сестра разрешит мне рассмотреть их поближе?

Не Фэйлуань покраснела. Привыкшая к ветреным утехам, она не выносила её слов, казавшихся невинными. Но лицо Тянь Мими, белое с розовым, одухотворённое и прекрасное, с парой осенних волнообразных глаз, всё ещё влажных от слёз. Она хрипло, с упрёком произнесла:

— Ты...

Но приподняла край юбки, чтобы та разглядела изящные ножки в парных остроконечных туфельках из парчи на розовой подошве, вышитых, словно слоями падающими с неба, жёлтыми лепестками с фиолетовой сердцевинкой — цветами зимней сливы «колокольчик».

Они изливали душу, а Лэ Юй думал о Сяо Шанли. В это же время во дворце Чу император Чу, узнав о наводнении в Уцзяне, издал особый указ, созвав всех сановников на совещание, и повелел князьям Шоушань и Цзинчэн присутствовать.

Князь Шоушань присутствовал при обсуждении государственных дел не впервые, а князь Цзинчэн — в первый раз. Его осанка и облик были необычайно яркими, красный халат, золотой пояс — среди сановников с седыми волосами и длинными бородами он был словно цветущий персик среди груш. Взгляд императора Чу невольно задержался на лице младшего сына. Он почувствовал, что черты его слегка изменились, похож на наложницу Жун, но не совсем, и именно в этой непохожести, казалось, было что-то, виденное где-то прежде.

Князь Шоушань в тот день был не в себе, то и дело поглядывая на императора. Уцзян относился к области Чжэчжоу, а Чжэчжоу сверху донизу был его людьми. Прорыв дамбы уже превратился в дело о коррупции. Сейчас он хотел и защитить себя, и не хотел отступать, не мог найти решения, поэтому лишь молча слушал, как спорят две фракции. Гао Э, казалось, оставался в стороне, но через своих учеников настаивал на тщательном расследовании, а сторонники князя Шоушаня, наблюдая за его выражением, изо всех сил пытались оправдаться.

Две фракции противостояли друг другу, князь Цзинчэн не произносил ни слова. Император Чу ударил своим скипетром, раздался звонкий звук, и во всём зале воцарилась тишина. Сановники стали просить прощения, можно было услышать падение иголки. Сяо Шанли тоже попросил прощения. Император Чу сказал:

— Князь Цзинчэн, ты здесь впервые. Даже если все мои сановники виновны, ты — нет. С чего бы тебе просить прощения вместе с ними?

Сяо Шанли неожиданно оказался выдвинут императором Чу в центр всеобщего внимания, что могло навлечь на него всеобщий гнев. Его лицо мгновенно побледнело. Мысли молнией пронесли в голове:

— Ваши сановники — ваши слуги, а ваш сын — и слуга, и сын. Будучи слугой, не могу служить государю всем сердцем, будучи сыном, не могу разделить заботы отца — это и есть великая вина.

Император Чу громко рассмеялся, затем голос его стал суровым:

— Все люди Поднебесной — мои слуги и дети! Если князь Цзинчэн так говорит, значит, в моей Поднебесной нет ни одного невинного.

Испугался не только Сяо Шанли — все сановники затрепетали от страха. Сяо Шанли, не прося больше прощения, молча опустился на колени у подножия ступеней. Император Чу снова спросил:

— Тогда почему князь Цзинчэн молчит?

<http://bllate.org/book/15272/1348095>